

А. С. ХОМЯКОВ

О современных явлениях в области философии

Письмо к Ю. Ф. Самарину

Давно уже, любезный Юрий Федорович, обещал я вам написать письмо о современных явлениях в области философии и, по своему обыкновению, откладывал со дня на день исполнение своего обещания, надеясь на скорое свидание и предпочитая слово устное письменному. Теперь вы надолго от нас удалились, и поневоле приходится браться за перо. Но кстати ли зазывать вас в область отвлеченностей, когда вы работаете в области практической, и позволительно ли даже приглашать вас на тяжелый труд философского мышления, когда вы и без того несете нелегкий труд бесконечных соображений, толкований и прений, как деятель в разрешении современного из всех наших вопросов?

Я было и призадумался к вам писать, как вдруг случайно попал в Шеллинге на следующие слова: «Счастливы государства, где люди, зрелые и богатые положительными знаниями, постоянно возвращаются к философии, чтобы освежать и обновлять дух свой и пребывать в постоянной связи с теми всеобщими началами, которые действительно управляют миром и связуют как бы в неразрывных узах все явления природы и мысли человеческой. Только от частого обращения души к этим общим началам образуются мужи в полном смысле слова, — способные всегда становиться перед проломом и не пугаться никакого явления, как бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружие перед мелочностью и невежеством даже тогда, когда (как нередко бывает) многолетняя общественная вялость позволила крайне посредственным людям возвыситься и крайне невежественным сделаться вожаками общества». Эти слова рассеяли мои сомнения. Действительно, чем многообразнее и утомительнее ваши занятия в мире

практическом, тем полезнее, может быть, освежать душу напряжением мысли в другом направлении, тем необходимее обновлять силы духа погружением его в оживительную и укрепляющую среду бесстрастных и отвлеченных созерцаний. Как бы ни был человек крепок, ему часто нужно сосредоточиваться, дабы не растрачивать своей крепости: нужно, чтобы душевные способности, рассеивающиеся в жизненной борьбе, как воины в продолжительном бою, были часто возвращаемы, как будто трубным звуком, в твердый и правильный строй вокруг центральных сил нашего Богообразного разума.

Вас я смело могу приглашать на крутые высоты философского мышления...

...Справедливо сказал покойный Киреевский, что в наше время философия, в тесном смысле этого слова, остановилась в своем развитии по всей Европе и живет более в своих разнообразных, часто бессознательных приложениях, чем в виде отдельной и самостоятельной науки. Эпоха наша питается трудом недавно миновавшей великой эпохи Германских мыслителей. Это положение он изложил в той, превосходной статье, которая дала Московскому Сборнику¹ значение действительной поворотной точки в истории Русского просвещения. В другой статье, которую смерть не позволила ему кончить², Киреевский продолжал уяснение своего первого положения и доказывал, что строй Западной образованности, вследствие односторонности своей и ее исторических причин, должен был прийти к остановке и к безвыходному рационализму. Я старался, как вы знаете, определить самую точку, на которой остановилось это философское движение, и показать ту последнюю форму, в которой высказалась задача Германии. Кратчайшее ее выражение будет следующее: воссоздание цельного разума (т. е. духа) из понятий рассудка. Как скоро задача определила себя таким образом (а собственно таков смысл Гегелевой деятельности), путь должен был прекратиться: всякой шаг вперед был невозможен. Но не осталась же Германия без философа: к ее чести, должно сказать, что она без философии немыслима. Какое же направление приняла и должна была принять эта новая эпоха мышления? Новых основ мышление принять не могло вследствие причин, так превосходно изложенных Киреевским; оно должно было оставаться при старых и довольствоваться их видоизменением. В чем же состоит это современное видоизменение и которую из ложных сторон прежней философии старалось оно исправить или пополнить?

Вся школа Канта есть школа рассудочная. Правда, что точка отправления ее — отрицание безусловного сомнения (скепсиса) — поставлена в самом средоточии мысли, в мыслящем я; но, расширяя и, следовательно, отвергая положение Декарта: «мыслю, следовательно есмь», и ставя более правильное и широкое: «есмь, следовательно есмь», т. е. «для себя есмь безусловно», она впадает постоянно в стремление определить это средоточие одним из его начал, понятием, следовательно рассудком. Бессмертный Кант, основатель и бесспорно сильнейший мыслитель всей этой великой школы, уже обличает в себе такое стремление самым разделением философии на две философии или критики: чистого разума и практического разума, т. е. собственно чистого отвлеченного рассудка, и практического, т. е. действительного разума. Вторая часть, несмотря на всю гениальность ее творца, несравненно слабее первой и входит в историю самой школы; как великолепный эпизод, но только как эпизод, а не как необходимая степень перехода или дальнейшего развития. Философия практического разума, так сказать, эксцентрична истинной Кантовой системе и поэтому не вошла и не могла войти в наследство, которое приняли и разработали его преемники. Ближайший из них — Фихте — был вполне рационалистом³, как бы назло своей страстной и энергически деятельной натуре. Резко и определенно, без примирения, отрывается у него понятие, как положительное начало, от предмета, как отрицательного; строго и полно развивается положительное понятие, обращая отрицательный мир в какой-то смутный образ. Подумаешь, что перед мыслию Фихте носилась бессознательно возможность объяснить отношение мысли к явлению на манер Индейский, в виде какой-то Майи⁴ самосознанного сновидения Брахмы⁵, но Индия сохраняла в своем объяснении более спиритуализма, чем Германский рационалист, у которого собственно одни только понятия рассудка носят характер самостоятельности и право на существование. Примиритель внутреннего разногласия, восстановитель разумных отношений между явлением и сознанием, следовательно, воссоздатель цельности духа — Шеллинг дает разумное оправдание природе, признавая ее отражением духа. Из рационализма он переходит в идеализм, а впоследствии, по закону ли собственного развития, ускоренного Гегельянством, или прямо в противодействии Гегельянству, он переходит в мистический спиритуализм. Последняя эпоха его имеет, впрочем, значение эпизодическое еще более, чем философия практического разума у Канта, и далеко уступает ей в смысле гениальности. Первая же и действитель-

но плодотворная половина Шеллинговой деятельности остается в важнейших своих выводах высшим и прекраснейшим явлением в истории философии до наших дней. Не будет и не может быть такого века в просвещении человека, который бы вспомнил о Канте, как основателе разумной уверенности, или о Шеллинге, как определителе внутреннего движения самосознующегося разума, без благоговейной благодарности. Но приобретение, добытое путем рассудочного анализа, осталось опять только в области рассудка. Отражение всего разума в рассудке (т. е. разум на последней и венчающей степени его развития, на степени уясненного самосознания) опять заняло место полного разума, и, следовательно, рассудок сохранил один за собою значение безусловно положительное, а все другие начала откинута подразумевательно (*implicite*) в область отвлеченности. Поэтическое слово, поэтическая мысль Шеллинга утаивают этот вывод. Он сам его не сознавал, его ученики покачают головою на мое определение, но законность приговора легко бы было доказать, а Шеллинг сам потрудился ее выставить в одном слове. Верный своему прежнему пути и понимая этот путь гораздо глубже и яснее своих учеников, в последнюю эпоху своей философской деятельности, он самую точку отправления всего духовного развития, *то протон* духа, определяет словом: «чистая возможность бытия (*das reine Seynkönnen*)». Для человека, знакомого с ходом философской мысли, другого объяснения не нужно. Существенность и самостоятельность обратились очевидно в отвлеченность: бытие выказалось своим отражением в понятии. Законность Гегеля, как окончательного вывода из всех его предшественников, не подлежит сомнению.

Гегель — полнейший и, смело скажу, единственный рационалист в мире. То, что у Фихте являлось невольным выводом из направления, признанного его умом за единственно разумное; то, что Фихте проповедовал и защищал наперекор всем внутренним стремлениям своей благородно-страстной природы, все это совершенно согласовалось с характерическими особенностями Гегелева гения и приходилось по мерке его тонкого и строго диалектического ума, его смелой и глубокомысленной, но несколько сухой и односторонней природы, не способной к увлечению, не требующей образа и вполне довольной бесплотным миром понятия. Гегель мог довести и довел рационализм до крайнего предела. <...>

